

ЛЮДИ ИСКУССТВА

РАЗ ПОШУТИЛ, ДВА ПОШУТИЛ...

Как рождается артист! Что чаще оказывается в его истоках — озарение, случай или осознанная настойчивость! Как искра божья возникает в нем! Почему жжет его и как часто собирается она погаснуть прежде, чем разгорается из нее пламя таланта!..

Артист оригинального жанра Юрий Григорьев — единственный в своем роде. Его никто не учил на звукоинженера, не учит никого и он сам: явился на свет вместе с ним этот уникальный дар и уйдет, наверное, вместе с ним.

А начиналось все очень просто: любил шестнадцатилетний ретушер-фотограф Юра Григорьев брать работу на дом и делать ее, сидя у распахнутого окна. Отец его пропал на войне без вести, поэтому Юрины заработки были семье очень кстати. Дом их стоял на горочке, а внизу расстился Бакинский железнодорожный вокзал. Поезда приходили, уходили, оживали хриплые репродукторы, и они смешили иногда до колик в животе. Юра не раз воспроизводил эти объявления — для себя, чтобы посмеяться, а однажды решил подшутить над бабушкой, улегшимся спать. Тот был старым железнодорожником, работал на этом вокзале, и потому, когда Юрино несусветное объявление прозвучало в ночи, он вскопчил, растормошил бабушку:

— Глаша, Глаша, который час? Почему? Какой поезд? Ничего не пойму...

И с тех пор, приходили ли гости, собирались ли друзья, дед довольно говорил: «А вот сейчас Юрка изобразит — как на вокзале».

Однажды на сцене Дома офицеров, где Юра работал фотографом, кто-то оставил включенный микрофон, и Григорьев проделал то же самое в пустоту зрительного зала. Раздался дикий одинокий хохот, это смеялся начальник Дома офицеров, он-то и пригласил Юру в самостоятельность. Там вдвоем с товарищем Валерой Осминкиным они сделали небольшую «вокальную» интермедию. Заканчивалась она все тем же объявлением диктора.

И опять — его величество случай: шел консерваторский концерт в клубе МВД. Вдруг плохо себя почувствовал певец и не смог продолжить выступление. И тогда Григорьев услышал, что кто-то на сцене говорит в микрофон: «Товарищи, вы извините, сейчас мы программу продолжим, а пока послушайте нашего участника художественной самодеятельности... Юра, поди сюда!».

На ватных ногах вышел Григорьев к микрофону. И имел такой успех, какого у него не было, как он считает, никогда больше. Занавес открылся и закрывался, Григорьев то уходил со сцены, то возвращался, а аплодисменты все гремели и гремели.

С тех пор он стал профессионалом. Но ненадолго. Через несколько месяцев в Грозном попал в такой «коллектив», на такое убогое и «жуткое», как он сейчас говорит, существование, что вернулся в Баку и опять стал заниматься своей надежной фотографией.

Каждый вечер он ретушировал негативы, и каждый вечер ему хотелось выйти на сцену. Когда через несколько недель пришла телеграмма-вызов в Сухуми, он собрался за несколько минут. Его прослушали в филармонии, приняли, и пошла-поехала по свету его артистическая жизнь. Чего он только не пробовал сначала, за что только не брался — пародировал Райкина, Утесова,

Канделаки, Бейбутова и Гаркави... Ни одного из них, кроме Бейбутова, он и в глаза не видел, слышал только по радио.

Однажды после концерта к Юре подошел Эдди Рознер и сказал:

— Золотко мое, зачем вы делаете то, что вы делаете плохо? Эти пародии — немножко Утесов, чуть-чуть Райкин, Гаркави совсем не похож. За чем? Вы же делаете звуки, это в стране никто не делает, а у вас так хорошо получается!..

Так Григорьев стал звукоинженером. «Транзисторный приемник» становится в его «губах» социальным обличителем, «парад войск» — чуть ли не вещественной реальностью, «звуковая газета» превращается сплошь в юмористическую: звуки-образы, звуки-символы, мастерски воспроизведенные и насыщенные новым, «человеческим», общественным содержанием, щедро наполняют его интермедию.

— Кем вы себя считаете — юмористом или сатириком?

— До перестройки я считал себя юмористом. Сейчас хочу считать себя сатириком, но пока не получается.

— Чего больше вам хотелось в период застоя — смеяться или плакать?

— Рыдать.
— Артист одним удачным номером может обеспечить себе жизнь. Не кажется ли вам это несправедливым по отношению, скажем, к рабочему, который каждый день вынужден трудиться в поте лица своего?

— Не кажется. Никому не возбранено сделать этот самый номер: пожалуйста, давай! Я тридцать лет в этой области, и никого рядом не было, только сейчас появляются способные ребята.

— В скольких странах вы выступали?
— Около тридцати пяти.
— Ваш юмор понимали везде?

— Да. Может быть, потому, что в каждой стране я выступал на языке ее народа...

Репризы и интермедию Юрия Григорьева перевести невозможно, поэтому ему приходится учить язык перед каждыми зарубежными гастролями. Зато какое счастье — увидеть тот шквал восторга и благодарности, услышать то море смеха, которые обрушиваются на Григорьева, стоит лишь ему сказать со сцены первые фразы на фарси или по-вьетнамски!.. Говорит он на любом из двадцати языков, которыми занимался, очень чисто, почти без акцента.

— Есть ли разница между смехом отечественным и импортным?

— Есть. Наш зритель очень зажат. Почему-то

он, прежде чем засмеяться, смотрит — как реагирует сосед.

— Самый счастливый день в вашей жизни?
— Знаете, в «эпоху застоя» надо было бы ответить так: «Тот день, когда получил признание». Сейчас?.. Я думаю, он еще не наступил.

— Чем вы занимаетесь в свободное от выступлений время?

— Как чем? Подготовкой к ним. Каждому артисту известно: один и тот же текст всякий раз звучит совершенно по-разному, причин этому множество. Для того чтобы выжать из интермедию максимум, ее нужно произнести сто раз, не меньше...

Мне довелось слышать тридцать два выступления Юрия Григорьева. Так уж вышло: свела нас с ним судьба в одной агитбригаде, облетели мы на «вертушках», исколесили на «броне» чуть ли не половину Афганистана.

Даже сейчас, годы спустя, трудно представить, что тогда с нами могло не быть Григорьева. И дело вовсе не в том, что он шел, как говорит, основным номером и всякий раз «укладывал аудиторию горизонтально». И не в том дело, что даже мы, члены агитбригады, слышавшие Юру в день по три раза, все равно ждали и предвкушали каждое его следующее выступление.

Дело в том, что там, в тяжелейших, иногда просто невыносимых условиях, когда, казалось, нет сил не только идти на сцену — просто поднять голову, одна его шутка делала нас живыми, вторая — поднимала на ноги, третья — перекрывала нашим хохотом рокот вертолета или рев бэтэера, в которых мы, двигаясь на следующее выступление, лежали от усталости вповалку. Юморист и «хохмач» Григорьев оказался настоящим бойцом. Я не думаю, что ему было легче остальных. Он точно так же отравлялся, случалось, лежал ночь под капельницей, чтобы утром хватило сил выйти на сцену, так же уставал, как и все мы: журналисты, комсомольские работники, известные спортсмены. Мы даже поначалу скептически на него поглядывали: артист!..

А он действительно — Артист. Этому слову он соответствует не только своим творчеством — характером. И пусть не балует его телевидение, пусть поэтому многие будут спрашивать: «А кто это?». Те, кто был на его концертах, будут ждать с ним встречи еще и еще. А он всякий раз, выходя на сцену, еще за несколько секунд до начала выступления не будет знать: с какой именно репризы, с каких слов начать сегодняшний диалог со зрителем? И несколько этих секунд он будет вглядываться в зал, в нас, словно желая понять, спросить:

— Какие вы сегодня?..
А мы ответим ему смехом: он все поймет.

Юрий ГЕЙКО.

● Юрий Григорьев.

Фото А. Баруздина.